

Осылайша, Левинастың этикалық феноменологиясы постсекулярлық қоғамдағы саяси жауапкершілікті қайта пайымдаудың өнімді теориялық негізін құрайды. Өзге үшін шексіз жауапкершілік идеясы саяси институттарды жоққа шығармайды, бірақ оларды әрдайым осал Өзгелердің үнсіз, бірақ міндеттейтін үндеуіне ашық болуға шақырады. Бұл жауапкершілік постсекулярлық қоғам жағдайында саяси философияның орталық мәселелерінің бірі ретінде қала береді және болашақ зерттеулер үшін маңызды теориялық бағдар болып табылады.

Әдебиеттер тізімі

1. Левинас Э. Тотальность и бесконечное: эссе о внешности / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М.: Республика, 2000. -416 с.
2. Левинас Э. Иначе, чем быть, или По ту сторону сущности / пер. с фр. И. С. Вдовиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. 272 с.
3. Левинас Э. Этика и бесконечность / пер. с фр. Н. Б. Маньковской. М.: Республика, 1998. 144 с.
4. Kratochvil J. Ethical responsibility in Emmanuel Levinas's thought: The other-driven passivity of the I // Human Affairs. 2014. Vol. 24, No. 4. P. 462–474.
5. Costa A. Asymmetrical responsibility, freedom and faith in Levinas: dissertation. Nottingham, 2023. 252 p.
6. Habermas J. Religion in the public sphere // European Journal of Philosophy. 2006. Vol. 14, No. 1. P. 1–25.
7. Habermas J. An awareness of what is missing: Faith and reason in a post-secular age. Cambridge: Polity Press, 2010. 80 p.
8. Political theologies: Public religions in a post-secular world / ed. by H. de Vries, L. E. Sullivan. New York: Fordham University Press, 2006. 478 p.
9. Taylor C. A Secular Age. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2007. 896 p.
10. Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London; New York: Verso, 2004. 168 p.

УДК 141.32

«ТРЕТИЙ ЧЕЛОВЕК» КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ЗАМКНУТОСТИ СУБЪЕКТА: РАЗМЫШЛЕНИЯ К ЮБИЛЕЮ Б. Е. КОЛУМБАЕВА

Алдабергенов Б.Н.

магистрант кафедры философии и теории культуры

e-mail: aldabergenov-bek@mail.ru

Жусупова Б.Ж.

PhD, ассистент-профессор кафедры философии и теории культуры

Карагандинский национальный исследовательский университет им. Е. А. Букетова, г.Караганда,
Казахстан

e-mail: zhusupova2013@mail.ru

19 марта 2026 года карагандинское философское сообщество отмечает юбилей Бисембай Ергалиевича Колумбаева - мыслителя, чьи идеи нельзя свести к сухой схеме или формальной концепции. Среди его философских разработок особое место занимает понятие «третьего человека». Это понятие на первый взгляд кажется метафорой, однако при более внимательном рассмотрении обнаруживает глубокий онтологический смысл.

Говоря о «третьем человеке», Колумбаев не предлагает очередную антропологическую классификацию. Он ставит вопрос радикальнее: исчерпывается ли человек своим биологическим и социальным существованием? Или же в структуре человеческого бытия присутствует нечто, что невозможно описать через привычные категории «индивид» и «личность»?

Размышляя о человеке, мы чаще всего остаёмся в пределах двух очевидных измерений его существования. С одной стороны, человек — природное существо. Он телесен, уязвим, зависим от среды, подчинён инстинктам, страху, потребности в выживании. Это то, что условно можно назвать «первым человеком». Здесь нет рефлексии о смысле, здесь действует логика сохранения жизни и продолжения рода. Человек на этом уровне включён в общий порядок природы и подчинён её законам.

С другой стороны, человек - существо социальное. Он включён в язык, культуру, традицию, систему ценностей. Он осознаёт себя через признание других, через принадлежность к общности, через нормы и правила. Это «второй человек» - историческая личность, субъект права, морали, политики. Именно здесь формируется идентичность, возникает ответственность, появляется возможность выбора в рамках социального поля.

На первый взгляд кажется, что этих двух измерений достаточно. Биология и общество - вот координаты человеческого существования. Однако в философии Колумбаева возникает принципиальный вопрос: исчерпывается ли человек этими координатами? Если человек полностью совпадает с природой, то он остаётся лишь сложной формой живого организма. Если же он полностью совпадает с обществом, то он превращается в носителя ролей и функций. В обоих случаях человек оказывается детерминированным - либо природной необходимостью, либо социальной структурой. Именно в этом пункте и появляется идея «третьего человека».

«Третий человек» - это не третья оболочка и не новая социальная позиция. Это внутренний выход за пределы заданности. Это способность человека дистанцироваться от своей природной и социальной обусловленности и увидеть их как нечто не окончательное. «Когда человек осознаёт, что он больше своей биологии - он уже выходит за пределы «первого». Когда он понимает, что его социальная роль не исчерпывает его сущности - он выходит за пределы «второго». Но этот выход не означает отрицания. Человек не перестаёт быть телесным и социальным. Он просто перестаёт быть только этим» [1, с. 74]. В этом и заключается принципиальная новизна концепции. Колумбаев показывает, что подлинное человеческое измерение раскрывается в несовпадении с самим собой. Человек способен стать по отношению к себе внешним, увидеть собственную заданность как проблему, как вопрос, а не как окончательную данность. Здесь возникает пространство свободы. Но свободы не в бытовом или юридическом смысле, а в онтологическом. «Человек оказывается способным выйти за пределы детерминации, даже если полностью устранить её невозможно. Свобода проявляется как внутренний разрыв между «тем, что есть» и «тем, чем можно быть» [1, с. 112].

«Третий человек» = это измерение возможности. Это не устойчивая структура, а динамическое состояние перехода. Это момент, когда человек не соглашается полностью совпасть со своей природой или ролью. Он задаёт вопрос о себе. Он вступает в диалог с собственным бытием. Можно сказать, что «первый» и «второй» человек живут по инерции - природной или социальной. «Третий» же возникает в точке останова этой инерции, в момент внутреннего пробуждения. Это пробуждение не обязательно связано с внешними событиями. Оно может быть вызвано кризисом, творческим переживанием, нравственным выбором или даже молчаливым внутренним сомнением. В этом смысле «третий человек» - это человек, который не удовлетворяется данным. Он не разрушает мир, но и не растворяется в нём. Он сохраняет дистанцию, которая позволяет ему быть субъектом не только действия, но и бытия.

Именно поэтому концепция Колумбаева выходит за пределы классических антропологических моделей. Она не сводит человека ни к природе, ни к обществу, ни даже к сознанию. Она утверждает наличие глубинного измерения, в котором человек постоянно превышает самого себя. «За пределами первого и второго» - это не географическая метафора. Это указание на внутреннюю вертикаль человеческого существования. На ту точку, где человек перестаёт быть только результатом обстоятельств и становится событием.

Говоря о «третьем человеке», необходимо прежде всего понять, что речь идёт не о дополнительной характеристике личности и не о новой социальной роли. Это не «ещё один уровень» поверх уже известных структур. Это состояние открытости, которое принципиально меняет способ существования человека. Пока человек остаётся в пределах природного или социального измерения, он в той или иной степени замкнут. Он действует в рамках заданности: телесной необходимости или культурной нормы. Даже когда он мыслит, он может оставаться замкнутым - в пределах собственной концепции, убеждения, идентичности.

История европейской философии после Рене Декарта закрепила образ человека как центра мышления [2, с. 201]. Субъект утверждает себя через рефлексию и тем самым противопоставляет себя миру. Но подобная модель делает человека своеобразной крепостью: он укрепляет своё «я», защищает его от сомнения, стремится к устойчивости и завершённости. В этом есть сила, но в этом же заключена и опасность - опасность окончательной замкнутости. Колумбаевская идея «третьего человека» предполагает противоположное движение. Человек становится подлинным не тогда, когда он окончательно утверждает себя, а тогда, когда он способен выйти за пределы своей самодостаточности. Это и есть открытость - не как психологическая черта, а как онтологическая позиция. Открытость

означает готовность не совпадать полностью с самим собой. Это состояние, при котором человек допускает, что его нынешняя форма существования не является окончательной.

Трансцендирование в этом контексте - это внутренний акт превышения. Человек обнаруживает в себе способность выйти за пределы собственной заданности: биологической, социальной, интеллектуальной. Он не отрицает их, но перестаёт быть ими исчерпанным. В нём возникает дистанция по отношению к собственной роли, к своим убеждениям, к своему опыту. Эта дистанция и есть пространство свободы.

Можно сказать, что «третий человек» начинается там, где заканчивается полное совпадение с идентичностью. Пока человек полностью равен своей функции - он остаётся внутри структуры. Но как только появляется вопрос: «А достаточно ли этого?», - начинается движение за пределы. Это движение не обязательно сопровождается внешними переменами. Оно может быть тихим, почти незаметным. Но именно оно разрушает иллюзию окончательности» [3, с. 158].

Открытость всегда связана с риском. Замкнутая система стабильна; открытая - уязвима. «Человек, который трансцендирует, выходит из зоны комфорта собственной завершённости. Он допускает возможность изменения, пересмотра, внутреннего преобразования. В этом смысле открытость требует мужества. Она предполагает отказ от иллюзии контроля над бытием» [2, с. 201].

Здесь уместно вспомнить мысль Мартина Хайдеггера о том, что человек есть открытость бытию [4, с. 201], однако в философии Колумбаева это измерение приобретает более личный характер. Речь идёт не только о структуре существования, но о внутреннем усилии - о готовности удерживать напряжение между тем, что есть, и тем, что может быть. Трансцендирование не означает бегство от мира. Это не отрицание природы и не разрыв с обществом. Напротив, это более глубокое вхождение в реальность. Человек начинает воспринимать мир не как объект использования, а как пространство события. Он перестаёт быть только потребителем или только носителем роли. Он становится участником раскрытия смысла.

«Третий человек» существует в режиме незавершённости. Он не фиксирует себя в одной окончательной форме. Его существование - это процесс. «Это постоянное превышение достигнутого состояния. В этом процессе человек не теряет себя, а, напротив, обретает глубину. Потому что глубина появляется там, где есть движение, где есть открытость к иному, где есть готовность к внутреннему преобразению» [3, с. 247].

Открытость и трансцендирование в концепции Колумбаева образуют сердцевину «третьего человека». Это не абстрактная идея, а способ быть - способ существовать, не совпадая полностью с заданным, сохраняя внутреннюю свободу и направленность к бытию. И именно в этом превышении самого себя человек становится больше своей природы, своей роли и даже своей мысли. Особенно ясно «третий человек» проявляется в акте творчества. И здесь важно подчеркнуть: речь не идёт только о художественном или научном творчестве. Речь идёт о событии, в котором возникает новое.

Творчество у Колумбаева - это не производство продукта, а событие прорыва. В этом смысле можно вспомнить платоновское понимание творения как перехода из небытия в бытие, однако в философии Колумбаева этот переход переживается экзистенциально. «В момент подлинного творчества человек перестаёт быть лишь функцией обстоятельств. Он становится соучастником раскрытия смысла. Это состояние нельзя запрограммировать или гарантировать. Оно не сводится к навыку или технике. Это внутренний сдвиг» [5, с. 189]. «Третий человек» - это и есть тот, кто способен на такой сдвиг.

Современная эпоха усиливает значение этой идеи. Мы живём в мире ускорения, цифровых идентичностей и постоянной публичности. Человек всё чаще существует как профиль, как набор реакций, как алгоритмически предсказуемая единица. В этих условиях легко потерять глубину. Человек превращается либо в потребителя, либо в производителя контента, либо в носителя социальной роли. Но в этом нет онтологического измерения.

Концепция «третьего человека» напоминает о возможности иного, нетривиального существования. Она побуждает задуматься о том, что человек может быть не только тем, кем он кажется на первый взгляд, не только набором привычных функций, ролей или обязанностей, но и чем-то более глубоким, более открытым. Эта концепция возвращает к важнейшему вопросу: кем я являюсь за пределами всех выполняемых функций, ролей и социальных ожиданий? Что остаётся от меня, если постепенно снять все маски, созданные биологическими, социальными и культурными обстоятельствами, если отказаться от привычных определений и ограничений, которые формируют наше внешнее «я»?

«Третий человек» предлагает рассматривать человека не только как объект внешнего наблюдения, но и как субъект внутреннего опыта, как пространство, в котором могут открываться

новые грани существования. Он напоминает о том, что за пределами видимого и очевидного скрываются вопросы о подлинной сущности, о том, что остаётся, когда отпадают все внешние формы, функции и маски. Концепция заставляет остановиться, задуматься и ощутить эту возможность — возможность быть самим собой, быть живым в самом широком и глубоком смысле, выходя за привычные рамки и представления о человеке.

Работая с идеей «третьего человека», я постепенно пришёл к глубокому осознанию того, что эта концепция выходит далеко за пределы привычного понимания философской модели. Она проявляется не как стандартная схема, не как готовый инструмент анализа, не как метод, который можно легко применить и сразу получить результат. Наоборот, концепция «третьего человека» оказывается скорее вызовом, требующим внимательности и вдумчивого подхода. Она неудобна в том смысле, что не подчиняется привычным логическим ожиданиям и не вписывается в привычные рамки нашего мышления. Она не предлагает готовых ответов, не даёт готовых решений и не упрощает задачу понимания; напротив, она ставит перед нами вопросы, которые сами по себе не имеют лёгкого или очевидного ответа.

Более того, эта концепция не создаёт ощущения безопасной и комфортной идентичности, не обеспечивает нам того чувства устойчивости и стабильности, к которому мы так привыкли при работе с привычными философскими категориями и моделями. Она требует от нас активного включения, постоянного размышления, внимательного сопоставления идей, поиска связей между понятием и реальностью, между индивидуальным опытом и универсальной формой. «Третий человек» оставляет пространство для напряжения, для сомнений, для внутреннего диалога, заставляя постепенно выстраивать понимание, шаг за шагом, слой за слоем, без возможности получить мгновенное и окончательное разрешение. В этом и заключается её особенность: она одновременно провоцирует, побуждает к размышлению и открывает возможности для глубокого философского осмысления, но делает это без каких-либо упрощений, без снижения сложности, без создания иллюзии лёгкости.

Мне представляется особенно значимой мысль о необходимости преодоления самости как центра. В современном мире человек часто оказывается погружённым в постоянное стремление к самоутверждению, сосредоточен на собственной значимости, на демонстрации своих возможностей, успехов или достижений перед окружающими. Это стремление, казалось бы, естественно для человека, однако важно понимать, что самоутверждение не тождественно подлинности, не всегда отражает истинную глубину личности и не является гарантией внутренней целостности. Иногда именно отказ от доминирования собственного «я», от стремления ставить себя в центр, открывает пространство для нового понимания, для осмысления более сложных и глубоких отношений с миром и с самим собой. Такой отказ позволяет выйти за рамки привычного эгоцентризма, создаёт возможность увидеть себя как часть чего-то большего, почувствовать связь с идеями, которые превосходят индивидуальные интересы, и тем самым обрести подлинное ощущение глубины существования. В этом контексте преодоление самости перестаёт быть лишь абстрактной философской задачей; оно становится живым опытом, который раскрывает новые горизонты восприятия и понимания человеческой сущности.

Идея «третьего человека» побуждает рассматривать человека не как завершённую и статичную структуру, не как нечто полностью определённое и окончательное, а скорее как возможность, как открытое пространство для развития и осмысления. Человека следует воспринимать как движение, как процесс, как динамическое событие, которое постоянно развивается, трансформируется и раскрывается в своём взаимодействии с миром и с самим собой. Такой взгляд позволяет отказаться от привычного представления о человеке как о фиксированном и замкнутом объекте, открывая возможности для более гибкого и многомерного понимания человеческой сущности.

В этом контексте философия Колумбаева предстает живой, насыщенной и динамичной. Она не завершена, она не стремится предложить окончательные ответы или закрытые схемы. Напротив, её незавершённость делает её открытой для дальнейшего осмысления, для размышлений и интерпретаций, для того, чтобы каждый исследователь мог вновь и вновь возвращаться к ней, открывая новые аспекты и новые возможности понимания. Такой подход позволяет философии оставаться активной, актуальной и глубокой, превращая её не в догму, а в постоянный процесс познания, в диалог, который продолжается без конца и без ограничений.

Концепция «третьего человека» в философии Бисембая Ергалиевича Колумбаева представляет собой попытку вернуть человеку утраченный горизонт бытия. Она преодолевает редукцию человека к биологическому или социальному измерению и утверждает существование третьего - онтологического - уровня.

В юбилейный год обращение к этой идее особенно символично. Оно позволяет не только отдать дань уважения мыслителю, но и заново поставить вопрос о человеческом предназначении. «Третий человек» - это не теория о человеке. Это напоминание о том, что человек больше самого себя.

Список литературы

1. Колумбаев, Б. Е. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. - Караганда: Изд-во КарГУ, 2011. – 269 с.
2. Декарт, Р. Размышления о первой философии / пер. с фр. - М. : Мысль, 1994. - 352 с.
3. Колумбаев, Б. Е. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. - Караганда: Изд-во КарГУ, 2011. – 269 с.
4. Хайдеггер, М. Бытие и время / пер. с нем. - М.: Республика, 1997. - 452 с.
5. Колумбаев, Б. Е. Хроно-топос человека. - Караганда: [изд-во], 2023. - 318 с.

UDC: 781.3/78

ART AND MUSIC: PRESERVING AND DEVELOPING HUMANITIES IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Alijonova M.

Master's student, International Nordic University,
Faculty of Music Education and Arts
Uzbekistan, Tashkent
e-mail: muqaddasalijonova@gmail.com

Introduction

The era of digital technologies brings new challenges and opportunities for preserving and developing humanities. Art and music are among the most significant elements of human culture, serving not only as a source of spiritual nourishment but also as a key cultural identifier for society. In recent years, digitalization has brought profound changes to art and music education, allowing knowledge to be shared globally through online platforms and virtual lessons. At the same time, the issue of preserving traditional forms of art and passing them on to younger generations remains urgent. The importance of maintaining a balance between modern digital tools and traditional pedagogy cannot be overstated. Digitalization offers accessibility, yet without careful integration, there is a risk of diminishing the depth of cultural transmission and traditional artistic practices. Therefore, educators must develop strategies that combine digital innovation with conventional teaching methods.

This article analyzes the modernization of art and music education through digital technologies, the use of online platforms, virtual lessons, and methods of preserving humanities. Additionally, it examines the opportunities for developing musical and artistic culture through digitalization and offers practical recommendations. Moreover, the study emphasizes interdisciplinary connections, where music and visual arts intersect with technology, sociology, and cultural studies. This approach highlights the role of digital platforms not only in teaching techniques but also in fostering critical thinking, creativity, and cultural literacy among students.

The importance of art and music education in the digital era

Art and music have always been vital means of spiritual and cultural development in human history. They not only shape aesthetic taste but also play a central role in preserving societal values, cultural heritage, and social identity. In recent years, the rapid development of digital technologies has fundamentally transformed art and music education. Traditional lessons and concerts are no longer confined to physical spaces but are increasingly accessible globally through online platforms. Furthermore, digital tools facilitate collaborative projects between students from different countries, enabling cross-cultural learning and a richer understanding of global artistic trends. This interaction fosters empathy and appreciation for cultural diversity, which is a core component of contemporary humanities education. The advantages of digital technologies in art and music education include:

Broad dissemination of knowledge: Online courses and virtual lessons allow students to acquire art and music knowledge regardless of geographical location. Students from remote or underprivileged areas can access high-quality education resources that were previously unavailable to them, promoting educational equity.